

ЛИНГВОПОЭТИКА

А.П. Чехов в зеркале английской литературы начала эпохи «перестройки»

© В.М. Давыдов, доктор филологических наук М.В. Давыдов, 2003

В предыдущей публикации мы показали, как высоко ценили английские современники А.П. Чехова его художественный метод, его новаторство в литературе, его влияние на развитие английской литературы¹.

Изменилось ли отношение англичан и американцев с того времени в связи с большими изменениями, происшедшими в России? Естественно, мы не можем остановиться на всей литературе, вышедшей с начала 90-х годов, да это, собственно, и не нужно для того, чтобы попытаться сформулировать основные тенденции отношения англичан в наше время к несомненно великому писателю (неосвященным, заметим, остается и значительный период критики до перестроечного периода, которая, разумеется, не могла не повлиять на современную и это необходимо постоянно иметь виду).

Anton Chekhov the Iconoclast. By LEE J. WILLIAMES. Scranton, PA: University of Scranton Press. 1991. 173pp. [Антон Чехов как иконоборец. Автор Ли Уильямс. Скрэнтон, Издательство Университета Скрэнтон, 1991].

“Настоящий автор считает Чехова человеком перемен и иконоборцем, т.е. ставит его в один ряд с Золя и Дарвином. Это резко противоречит распространенному мнению о Чехове” (с.2).

Таким образом, автор по всей видимости, социолог и историк, без каких-либо обиняков начинает свое методичное описание Чехова как иконоборца. “Чехов и как человек и как писатель занимался вопросами религии, выступал за свободу политических, художественных и духовных взглядов, за равенство всех рас и верований, придавая особое значение свободе крестьянства, евреев и женщин, призывая всех внести посильный вклад в создание общественного благосостояния” (с.65). “Руководствуясь чувством сострадания и своими взглядами, он выбирал

---

¹ Давыдов В.М., Давыдов М.В. Английские современники А. П. Чехова о его творчестве // Язык, сознание, коммуникация / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21.

для своих произведений такие темы, где он мог бы максимально проявить свою объективность, правдивость и сдержанность” (с.18).

Он не был дворянином, но был глубоко образованным человеком и прекрасно разбирался в жизни различных классов и групп России, кроме того много путешествовал как в России, так и за границей. Поэтому он мог как никто другой писать “правду” о “темных” крестьянских массах. Ли Уильямс характеризует писателя как гуманиста и либерала, твердо верящего в прогресс человечества. Вместе с тем автор постоянно повторяет, что Чехову удалось “разнести в пух и в прах”, “взорвать” романтические надежды, связанные с толстовским мифом о русском крестьянстве, особенно в его рассказе “В овраге”. Уильямс подчеркивает, что изображение крестьянской жизни и взаимоотношений крестьян (также, как и Российского общества в целом) настолько точно и правдиво, другими словами, “ настолько научно”, что им может руководствоваться и социолог-историк нашего времени.

Кроме того, как это подсказывается заголовком книги, автор считает Чехова подлинным иконоборцем конца 19-го века – факт, который по тем или иным причинам отрицался критиками (его современниками) так же рьяно, как и народолюбцами и ортодоксальной советской прессой.

В целом это неплохая книга, но ничего особенно нового в ней мы не находим. Центральные идеи явно преувеличены: иконоборство Чехова, готовность крестьян к восстанию. Будучи социологом, Уильямс уделяет слишком много внимания проблеме крестьянства, ничего не говоря о том, что эта тема занимала центральное положение и в произведениях Чехова. Но автор проигнорировал драматические произведения, считая, видимо, что именно рассказы “передают наилучшим образом мироощущение Чехова”. Да и рассказов проанализировано не так уж много. Уильямс забыл о рассказе “Студент”, где обсуждаются вопросы и религии и крестьянства. Кроме того, драма “Леший” почему-то превратилась в рассказ.

Автор гордо заявляет, что “ему удалось развеять многие предубеждения относительно Чехова.” *Однако судя по книге, она имеет вторичный характер, поскольку автор проявляет явное незнание русского языка и, следовательно, пользовался материалами на английском языке.*

Semiotics of Misogyny through the Humor of Chekhov and Maugham. By Anna Makolkin. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1992, 239 pp. [Семиотика женоненавистничества в юморе Чехова и Моэма. Автор Анна Маколкин, Левистон: Эдвин Мэлен Прес, 1992].

Анна Маколкин исходит из предположения, что миф о женской неполноценности – это “одна из знаковых основ процесса покорения природы и творчества, того, что называется ‘культурой’”.

Она подвергает критике концепцию “женщин как символов”, созданную Умберто Эко, говоря о том, что это всего лишь “старый миф в новой терминологической упаковке.” Приверженность старому мифу проявляется как в семиотической системе Умберто Эко, так и, в равной степени, в “художественных мировоззрениях Чехова и Моэма”, и эта приверженность “скрывает их страх перед возможностью соперничества, боязнь оказаться умственными импотентами”.

Маколкин отмечает, что первоначальное название ее книги было не столь резким, а именно: “Женщины, символы и предрассудки”, но во время работы над книгой произошло ужасное событие: какой-то маньяк зарезал четырнадцать женщин на территории университетского городка в Монреале, после чего она пришла к заключению, что Моэм и Чехов не просто следовали стереотипу представления “другой половины человечества”, но действительно “искренне ненавидели женщин”; с ее точки зрения, эти писатели ответственны за создание женоненавистнического “семиотического механизма” и, в результате, за возможность таких бессмысленных убийств женщин. Маколкин чрезвычайно сурово подходит к творчеству обоих писателей: она разбирает несколько коротких рассказов Чехова и Моэма в поисках “признаков женоненавистничества” – сопоставления женщин с животными, примеров любви за деньги, противопоставления “синих чулков” “розовым”.

Для того, чтобы лучше осудить писателя (в частности, Чехова) со своей точки зрения, она ограничивается небольшим кругом текстов, особенно теми, где Чехов высмеивает “стереотипы полов”. Так, Маколкин уделяет много внимания чеховской миниатюре “Мои жены” (1885) в которой рассказчик “Рауль Синяя Борода” приводит факты, говорящие “против” Чехова. Маколкин, естественно, отождествляет “героя” истории с самим Чеховым. Вообще следует заметить, что литературный анализ, выполненный Маколкин, основывается на полном отождествлении слов персонажей и авторских взглядов. Это довольно наивный подход, который производит странное впечатление, поскольку цитируются слова явно “опереточного” злодея. Ее система явно не работает в случае более серьезных рассказов и она широко использует выражения “к удивлению” или “парадоксально”, когда замысел автора явно не соответствует ее схеме. Удивительно, но автор даже не пытается обсудить вопросы юмора, которые фигурируют в заголовке ее работы. Понятие юмора, таким образом, отсутствует в ее книге: рассказы, которые она анализирует, не принадлежат к юмористическим (“Печенег”, “Анна на шее”, “Тина”) и слово “юмор” отсутствует в списке ключевых слов.

приводимых в конце книги. Это явный, бросающийся в глаза недостаток ее исследования (эмфаза наша — В.М.Д., М.В.Д.)².

Автор настолько занята поисками признаков женоненавистничества, что реальный смысл и содержание рассказов оказываются для нее утерянными. Довольно часто цитаты, извлекаемые из текста, противоречат ее аргументам. В книге много ошибок, искажающих суть рассказов. Ни один из проанализированных Маколкин рассказов не включен в алфавитный указатель, в то время как в нем почему-то упоминаются такие слова как “Анна”, “знание”, “пространство” и некоторые другие, весьма спорные слова. Слабость аргументации и монотонность синтаксиса затрудняют чтение книги.

Проблемы ‘женоненавистничества’ в произведениях Моэма и довольно сложные взгляды Чехова на “женский вопрос” заслуживают более основательного и более научного подхода. Книга явно оказывается за пределами критики, как с точки зрения литературного анализа, так и с точки зрения семиотических проблем. Достаточно привести выдержку из письма Чехова И.Л. Леонтьеву от 22 января 1988 г.: “Моя повесть появится в мартовской книжке “Северного Вестника”. Странная она какая-то, но есть отдельные места, которыми я доволен. Меня бесит то, что в ней нет романа. **Без женщины повесть, что без паров машина. Впрочем, женщины у меня есть, но не жены и не любовницы. А я не могу без женщин!!!” И таких высказываний (причем вполне серьезных) можно привести сколько угодно.**

Reading Chekhov's Text. Ed. Robert Louis Jackson. *Studies in Russian Literature and Theory.* Evanston: Northwestern University Press, 1993. 258 pp. [Читая Чехова. Ред. Роберт Луис Джексон. *Исследования в области Русской литературы и теории.* Эванстон: Издательство Северо-западного университета, 1993].

Дать справедливую оценку сборнику статей, написанных различными авторами, довольно сложно. Но, если редактор сборника побеспокоился о том, чтобы должным образом распределить материал, придать ему определенную структуру (что и имеет место в данном случае), то это в значительной степени облегчает работу рецензента.

---

² Очень жаль, например, что автор не приводит «порочащих женщину» цитат из таких юмористических рассказов как, например, «О женщинах», где можно найти немало высказываний о (мнимых, естественно) пороках женщин, даже на латыни: “Mulier est malleus, per quem diabolus mollit et malleat universum mundum” [Когда диаволу приходит охота учинить какую-нибудь пакость или каверзу, то он всегда норовит действовать через женщин].

С точки зрения Джексона, Чехова нельзя читать бегло: он требует предельного внимания от читателя. Целью редактора является сказать о Чехове нечто новое, отойти от штампов, т.е. поступить по-чеховски.

По словам редактора «Чехов, как писатель, исследовал самые разнообразнейшие стороны человеческой жизни в самых разных ее проявлениях, его личное мировоззрение в целом выходит далеко за рамки мыслей и чувств его персонажей». В подтверждение своей точки зрения редактор приводит слова С.Н. Булгакова о том, что «Чехов был писателем огромного философского диапазона» по отношению к самым сокровенным проблемам человеческой жизни. Существует, правда, и противоположное мнение, что голос Чехова звучит тихо и в нем трудно заметить следы каких-либо оценок, идей или идеологии. Эту антитезу, естественно, может решить только читатель, умеющий вдумчиво читать текст и обладающий достаточно богатым воображением» (?)³.

Вероятно, признаком великого искусства является то, что его можно по-разному интерпретировать и, каждое поколение находит в одном и том же произведении созвучные ему мотивы. Об этом в книге говорит Бунин в статье «Воспоминания о Чехове», и следующие за ней статьи не противоречат этому мнению.

В биографическом разделе Марена Сендерович самым тщательным образом анализирует различные ранние псевдонимы Чехова, выясняя цель их использования и приходит к выводу, что они отражают противоречивое отношение Чехова к своему мастерству и его сомнения в отношении осуществления своих замыслов. Она приводит несколько отрывков из его писем в подтверждение правильности своих выводов. Развивая свой тезис о «самозащите», Сендерович упоминает целый ряд рассказов, которые написаны автором, подглядывающим как бы за происходящим через «щель в заборе». Майкл Финке пишет о рассказе, суть которого тоже производит впечатление «подсматривания в щелку» (?), хотя на этот раз Чехов подписывается своей настоящей фамилией. Он посвящает немало места этому приему «наблюдения из-за укрытия» и, в результате, делает вывод о том, что Чехов пытается таким образом снять свое сексуальное напряжение (знаки вопроса и эмфаза наши — В.М.Д., М.В.Д.).

В следующем разделе традиционная чеховская тема разобщения людей обновлена за счет тщательного исследования коннотаций слов, которыми незаметно пронизан весь текст, и одна коннотация влечет за собой другую. И Джексон в своей статье «'Враги': Антирассказ?» и Гольтерн в статье «'Дома': дома или все-таки не дома?» раскрывают нам многослойное и многоцелевое прочтение двух Чеховских рассказов.

---

³ В данном случае антитеза производит больше впечатление рекламы, возражать против которой не стоит.

Следующий раздел (“Религиозное и Мирское”) является, пожалуй, наиболее оригинальным и ценным в данном сборнике, поскольку он показывает Чехова в той области, где мало кто из критиков его исследовал: поэзия религиозной культуры. И если наше предположение верно, то безграничный пессимизм конца века, который обычно приписывается Чехову, не может не вызвать сомнения. Нильс Акэ Нильсон в своем блестящем анализе рассказе “Архирей” показывает всю технику переходов и контрастов, игры яркого и приглушенного света, соотношения тривиальных и серьезных сцен, сопряженности будущего и настоящего времени в их неразрывном единстве, все это указывает на духовное возрождение: кульминационное Пасхальное освобождение.

Вилла С. Аксельрод проникновенно рассказывает об обрядовой стороне православной церкви и объясняет, каким образом в рассказе Чехова «Святой ночью» священное писание выступает в качестве фона, освещающего и придающего таинственность событиям и чувствам пасхальной ночи. В статье, удачно озаглавленной «Восхождение и исход», Александар Михайлович показывает на примере рассказа «Ионыч», каким образом религиозные основы рассказа помогают читателю понять падение героя. Анализируя рассказ «Учитель словесности», Жюли дэ Шербинин сумела развеять устойчивое мнение, что Чехов не был религиозен, что в действительности все было гораздо сложнее⁴.

В поисках ответа на свой вопрос она обращается к словесной ткани произведений, в частности, к описанию Девы-Марии и Марии Магдалины, и использует интертекст А.К. Толстого как дополнительно освещающий данную проблему. Роберт Джексон в своем глубоком исследовании чувствительности Чехова, которую он видит в рассказе «Студент» завершает соответствующий раздел на той же духовной ноте.

Ричард Пиис статьей «‘В ссылке’ и русский фатализм» начинает новый раздел «Судьба и долг». Он пытается разобраться в парадоксе фатализма который проявляется в сознательном действии, довольно удачно обращаясь в этой связи к Гончарову и приходит к выводу, что Чехов, осуждая «бездеятельную обломовщину», все-таки, пожалуй, близок к метафизической концепции смирения у Достоевского. Основная идея Лизы Кнапп в статье «Страх и жалость в ‘Палате номер шесть’: чеховский катарсис» заключается в том, что она является «литературным эквивалентом паломничества»⁵ в ужасное место, где мы начинаем понимать страдания другого человека. Обращаясь к аристотелевской

---

⁴ Прибавим только, что авторы этого раздела *enfoncent une porte ouverte*, тезис авторов банален.

⁵ Как ни странно, в данном случае автор «попадает в точку»: именно в результате Сахалинского «паломничества», как отмечает В.Б. Катаев в своей книге «Сложность простоты» (М., 1999): «Сахалинская больница, где психические больные содержатся рядом с сифилитиками, превратится в палату № 6».

поэтике, она утверждает, что страх – это обнаружение сходства между «собой и другим человеком, страх которого мы начинаем понимать», и полагает, что, создав этот рассказ, Чехов старается разбудить сочувствие к страданиям другого. Но для того, чтобы определить цель рассказа Чехова, вряд ли нужно обращаться к Аристотелю.

Сравнивая чеховский рассказ «Володя» и рассказ Тургенева «Первая любовь», Джозеф Конрад показывает, что он в равной степени хорошо знает и того и другого писателя и проводит весьма убедительные параллели. В своей статье «Аллюзия и диалог в рассказе 'Дуэль'» Андрей Дуркин обращается к еще неисследованным путям влияния на Чехова и обнаруживает и с точки зрения формы и с точки зрения этического содержания значительное влияние Лескова. Поль Дебречены видит в рассказе «Черный монах» своего рода предварительную попытку Чехова объединения символизма и мистицизма. Он совершенно четко говорит о том, что Чехов был знаком с французским символизмом, Ницше, Мережковским и Соловьевым. Раздел завершается статьей Светланы Евдокимовой «'Душечка': желанная и презираемая женственность», она усматривает в «Душечке» повторение мифа о Психее, более того, она считает, что в основе рассказа лежит и миф о нимфе Эхо (?), поскольку Оленька подражает всем, не теряя однако и свою любвеобильную душу.

В последнем разделе Лоуренс Сенелик в статье «Оффенбах и Чехов; или Прекрасная Елена» соотносит чеховскую драматургию с общеевропейской культурой XIX-го века. Он отмечает, что и Чехов и Оффенбах не всегда серьезно воспринимались современными им критиками. В «Лешем» и «Прекрасной Елене» Сенелик находит много общего в приемах пародии, карикатуры и фарса: мифологические тропы Оффенбаха превращаются у Чехова в приемы «обманутого ожидания». В последней статье заключительного раздела Гари Соль Морсон пытается применить свою концепцию «прозаизма» к пьесе «Дядя Ваня». С его точки зрения в «Дяде Ване» традиционные передние и задние планы переставляются и, в результате, действия, которые могли бы быть трагическими и даже героическими, приобретают оттенок комедии или фарса. Персонажи могут сколько угодно мечтать о героической жизни, но видят перед собой лишь прозаическую реальность. Наиболее очевидно это проявляется в образе дяди Вани. Серебряков и Елена, как считает Морсон, также страдают этим недугом. Их упорное нежелание считаться с действительностью дорого им обходится. Такого рода подход проясняет многие другие работы Чехова. Однако здесь необходимо сделать определенную поправку. Серебряков старается построить свою жизнь по книжным образцам, когда он просит отыскать ему том Ба-

тношкова, то он действительно считает, что в данном случае этот том ему нужен для того, чтобы оградить себя от неприятностей.

Чехов частенько говорил, что его труды будут забыты через семь лет после его смерти. Однако мы помним его и авторы статей, представленных в данном сборнике, являются тому хорошим примером того, что его помнят и иностранцы.

В книге, однако, немало примеров для того, чтобы прийти к выводу, что слишком пытливый ум может обнаружить в тексте такие схемы, о которых писатель и не думал.

Чekhov: A Life in Letters. Trans, and ed. Gordon McVay. London: Folio Society, 1994, 378 pp. [**Чехов: его жизнь в письмах.** Переводчик и редактор Гордон МакВей. Лондон, 1994].

Судя по количеству страниц, это весьма солидное издание. Но что нового узнает читатель об А.П. Чехове, что пока еще не было ему известно?

Гордон МакВей решил определить суть жизни Чехова на основе внимательного прочтения его писем и писем его корреспондентов, т.е. осуществить задачу, которая далась ему, судя по его словам, “с большим трудом”. На первый взгляд, он должен приблизиться к жизни Чехова **в максимальной степени: письма, видимо, должны сказать то, о чем не говорят произведения писателя.**

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть выводы Гордона МакВея, нужно вновь проделать указанный объем работы. Верить же ему на слово довольно трудно, поскольку он использует преимущественно лишь отдельные цитаты из писем (иногда отдельные словосочетания). Понятно, что разобраться в цитатах, вырванных из общего контекста письма, зачастую просто невозможно, поэтому в кратких сносках он приводит необходимые (с его точки зрения) фразы из писем корреспондентов и, распределив письма по годам, кратко характеризует наиболее примечательные события того или иного года.

Вот так и описывается жизнь А.П. Чехова. ***Интерпретатор все свое внимание концентрирует на борьбе Чехова со своей болезнью. От письма к письму читатель видит, как развивается болезнь и как она буквально пожирала его.***

Для того, чтобы высказать свое мнение о таком, на наш взгляд, **гиперболическом** значении болезни А.П. Чехова (ссылки на письма корреспондентов А.П. Чехова все-таки психологически менее убедительны, чем его собственные) в его жизни и творчестве, мы решили перечитать все его письма и представить на суд читателя все упоминания о болезни. И вот какова **реальная картина:**

1875. г. Ал.П. Чехову: «Дружище Саша!»

После этого следуют всевозможные советы, касающиеся Саши и просьбы приехать. Что же касается своего положения, то Чехов пишет: **«А у нас все тихо, ничего не слышно, живем припеваючи.** (Эмфаза здесь и далее наша). И завершает письмо шутливой фразой: *«Желаю тебе *optimum et maximum*».*

1876. Ал.П. Чехову (Письмо написано в шутливом тоне на немецком языке.) *«Mein lieber Herr! Ich war gestern in Hause Alferakis auf einen Konzert und sah dort deine Marie Feist* **«.** Ни слова ни про какие болезни.

1877. М.М. Чехову: *«...Для нас ничего дороже матери в сем разъехденном мире, а посему премного обяжешь, утешая его полуживую мать.»*

29 июля 1877. М.М. Чехову: *«...Сие письмо я пишу тебе, находясь в вожделенном здравии...».*

25 августа 1877. М.М. Чехову: *«...У нас в Таганроге прозябает один малый, приходящийся мне двоюродным братом. ... Он мальчик хороший и трудолюбивый.»*

4 ноября 1877. М.М. Чехову: *«...Я здоров, а коли здоров, то значит и жив; одна у меня только болезнь секретная, которая мучит меня, как зубная боль, – это безденежье. ...».*

1 апреля 1878. М.М. Чехову: *«...Будь здоров. Желаю тебе многая лета.».*

5 апреля 1879. М.М. Чехову: *«...Маше через тебя посылаю особенный поклон. О том, что приеду поздно, не горюйте. Время летит живо, как не хвастай скукой. Я с собой привезу пансионера....»*

Декабрь 1879. Г.П. Кравцову. *«...Я поживаю хорошо: сыт, одет, весел. В Москве весело....».*

22 апреля 1880. *«...Еду в Сокольники распить пуншем косую бутылочку коньячку № 197....».*

= *“Дорогой брат Иван Павлович! Честь им ею поздравить тебя с новым годом!...А затем, пожелав тебе всего лучшего и хорошего, остаюсь твой брат, написавший эти щелочные и санитарные строки.”*

21 сентября 1880. *«Ю.И. Лядовой. ...Приезжайте скорее к нам; у нас так весело, как никогда....».*

8 мая 1881. *«Мудрейший Соломон!... Жив, здоров и поучаю....»*

Можно, конечно, возразить, что никаких жалоб в этих письмах нет (и это будет справедливо), но мы приводим их для того, чтобы подчеркнуть, что независимо от того, был ли Чехов здоров (как до указанной даты или нет), он все время заботился в первую очередь о других, зачастую весьма посторонних людях. И эта тенденция прослеживается (даже если мы об этом специально не упоминаем ниже) во всех его письмах.

Вторая, не менее яркая тенденция (в конце концов он не мог отказаться даже в деловых письмах от своего характера) – это, конечно, его неистощимый юмор.

20 июня 1981. «Л.С. Мизиновой...**Я кашляю, в глазах моих мелькает, в голове моей пусто, но я все-таки здоров....**»

8 ноября 1882. «Ал.П.Чехову. Я же пишу и думаю, сколько раз сегодня ночью передернет меня за то, что я осмеливаюсь писать. Медициной занимаюсь... Операция каждый день».

25 января 1883. «Ал.П. Чехову. ...**Живы и здоровы!**».

29 января 1883. «Г.П. Кравцову. **Живется сносно, но здоровье уже увя и ах! ...Живется почти весело. Летом поеду на юг поправлять здоровье**».

1 августа 1884 «Н.А. Лейкину...**Целый день льет дождь. У меня благодаря скверной погоде ногу ломит. Скушно ужасно. ...**».

4 ноября 1884. «Н.А. Лейкину. ...**Вчера и сегодня болен... Голова трещит, лихорадка... Работать не в состоянии. ...**».

10 декабря 1884. «Н.А. Лейкину. ...Уважаемый Николай Александрович.

Вот уже три дня прошло, как у меня ни к селу ни к городу идет кровь горлом. Эта причина мешает мне писать, помешает приехать в Питер. ...Вообще – благодарю, не ожидал....».

17 декабря 1884. «П.А. Сергеенко. ...**Мечтал к празднику побывать в Питере, но задержало кровохарканье (не чахоточное). ...**».

2 января 1885. «Е.И. Савельевой. ... **Нездоровье мое немножко напугало меня и в то же время (бывают же такие фокусы) оставило мне немало, почти счастливых минут. Я получил столько сочувствий, искренних, дружеских. ...**».

31 января 1885. «М.Е. Чехову. ...**В декабре я заболел кровохарканьем и порешил, взявши денег у литературного фонда, ехать за границу лечиться...**».

4 апреля 1886. «В.В. Билибину. ... **30 апреля я еду на дачу. Летом буду, вероятно, на юге. У меня опять было кровохарканье. ...**».

6 апреля 1886. «Н.А. Лейкину. ... **Я болен. Кровохарканье и слаб, не пишу... Если завтра не сяду писать, то простите: не пришлю рассказа к пасхе...** «.

26 января 1887. «Ал.П. Чехову. ...**Я болю. Живется скушно, а писать начинаю скверно, ибо устал. ...**».

11 января 1888. «Ал.П. Чехову. ...**С новым годом. У меня catarhus intestinalis. Votre a tous Чехов**».

Январь, после 12, 1988. «А.С. Киселеву. ...**Мой геморрой дает мне себя знать как квартальный на пожаре. Нет моей мочи**».

На общем фоне чахотки, да еще и геморрой, вещь не очень приятная. Тем не менее Чехов продолжает острить. Вот здесь трагически-гиперболический настрой Мак Вэйна, возможно, и подошел бы. То, что Чехов герой, было известно давно, без всякого анализа писем.

19 января 1888. «А.И. Плещееву. ... Теперь два слова о себе. Я здравствую, работаю и скучаю. ...».

Апрель, после 27,1888. «Ал.П. Чехову. ...У меня ломит голову; вероятно, письмо написано нескладно. ...».

17 мая 1888. «К.С. Баранцевичу. ...Перед отъездом нервы мои раздулялись, печенка раздулась и я вел себя по дурацки. ....».

14 октября 1888. «А.С. Суворину. ...Сначала о кровохарканье... Впервые я заметил его у себя 3 года тому назад в Окружном суде: продолжалось оно дня 3-4 и произвело немалый переполох в моей душе и моей квартире. Оно было обильно. Кровь текла из правого легкого. После этого я раза два в год замечал у себя, то обильно текущую, то не обильно. ... Каждую зиму, весну и осень и в каждый сырой летний день я кашляю. Но все это пугает меня только, когда я вижу кровь: в крови текущей изо рта есть что-то зловещее, как в зареве...

Если бы то кровотечение, которое у меня случилось в Окружном суде, было симптомом начинающейся чахотки, то я давно уже был бы на том свете – вот моя логика. ...».

Впервые Чехов столь подробно в своем письме пишет о своей болезни, но в конце делает чуть ли не оптимистическое заявление, и это опять не дает повода для трагического пафоса Гордона МакКвэйа. Вероятно, он жил бы дольше со своим оптимизмом, если бы не простудился. Как вспоминал А.И. Куприн, Чехов часто восклицал: «Как хороша будет жизнь через триста лет!» и находил немало положительных изменений в лучшую сторону уже в их время. Но вернемся к его письмам.

18 октября 1888. «А.С. Суворину. ...Я совершенно здоров. ...».

27 октября 1888. «Е.М. Линтваревой. ...Здоровья своего я не понимаю.

Дня четыре было кровохарканье, а теперь, кроме ничтожного кашля, ничего...»

8 февраля 1889. «А.С. Суворину. ...У меня лютый геморрой, который я поддерживаю сидением и излияниями. Надо бросить манеру веселить свое сердце вином, да жалко. ...».

5 марта 1889. «А.С. Суворину. ...Не верьте Лейкину. Кровью я не плюю, не хандрю и с ума не схожу. ...».

10 апреля 1889. «Н.А. Лейкину. ...Весну и праздники встретил я невесело. Мой художник (брат) около 25 марта заболел брюшным тифом. ...Настроение у меня гнусное. Ваш Чехов».

Чехов очень любил своих братьев и одно из самых «сильных» слов связано, естественно, с болезнью брата.

4 мая 1890. «Е.Я. Чеховой. **Я жив здоров и благополучен. Кофе научился варить. ...**».

14-17 мая 1890. «Чеховым. **...Теперь даже кашля давно нет; давно я так мало кашлял, как теперь, после двухнедельного пребывания на чистом воздухе. ...**».

4 января 1892. «А.И. Смагину....**А я мечтал послать Вам уже во вторник доверенность и 5 тысяч. Как это печально! Ах, если бы Вы знали, какое неприятно это разочарование!... Здравие мое в Питере поправилось. ...**».

4 января 1901. «Е.Я. Чеховой.... **Чувствую себя хорошо, даже очень, но соскучился....**».

1 января 1902. «К.Д. Бальмонту.... **При Вас я похварывал понемножку, но крепился, но, как едва Вы уехали, как я заболел, стал плевать кровью, похудел как Фофанов; теперь меня кормят на убой, лечат, и я поздоровел.**

2 января 1902. «Н.В. Алтухову.... **А мое здравие становится все лучше и лучше....**».

9 января 1902. «В.М. Лаврову.... **Я поправляюсь, стал много есть, скоро**

начну писать. Кровохарканья уже нет....».

12 января 1902. «Е.Я. Политковской....**В первый месяц больным живется в Ялте невесело, но потом – превосходно. Они, за немногими исключениями, поправляются здесь очень скоро.**»

10 марта 1902. «О.Л. Книппер-Чеховой....**Здоровье моё сегодня превосходное, как давно не было и это я объясняю это погодой, солнечной и почти теплой. ...**».

1 января 1903. «К.С. Константинову (Станиславскому). **...У меня все благополучно, я здоров, понемножку работаю, мать и сестра тоже здоровы....**».

В тот же день. «О.Л. Книппер-Чеховой....**Здоровье мое великолепное. Зуб починен, остался еще один....**».

5 января 1903. «О.Л. Книппер-Чеховой.... **Актрисуля моя, я здоров вполне, лучше и не нужно, только скушно, очень скушно по двум причинам: погода очень плоха и жены нет....**».

5 февраля 1903. «О.Л. Книппер-Чеховой....**Желудочные расстройства буквально каждый день, но все же чувствую себя хорошо, температура нормальна, от плеврита не осталось и следа....**».

7 февраля 1903. «О.Л. Книппер-Чеховой.... **Здоровье ничего себе, не жалуюсь. ...**».

В тот же день. «А.И. Куприну. «Я поздоровел, плеврит уже прошел, но в комнате моей холодно (на дворе мороз), а это противно....».

4 января 1904. «Г.М. Чехову. ...Я здоров, здоровее, чем был в Ялте...».

Сам Чехов по мере развития болезни старается поменьше писать о ней, чтобы принести как можно меньше беспокойства окружающим его людям. Лично Чехов относится к своей болезни не с «оптимизмом висельника», но спокойно следит за ее развитием как ученый, который прекрасно понимает, чем все это кончится.

Остальные темы, о которых пишет МакВей, как и следовало ожидать, это деятельность Чехова как писателя и его постоянно возрастающий интерес к политической жизни страны.

Книга МакВея прекрасно издана. Она рассчитана на самый широкий круг читателя как *романтическая биография*, основанная на документальных материалах. Перевод писем выполнен вполне профессионально, обсуждать можно было бы лишь, какой синоним лучше и выразительней для таких слов, как, например, «скушно».

Расположение отрывков и комментариев все время требуют переключения внимания сверху вниз (от текста к сноскам), чтобы стало понятно, о ком или о чем идет речь. При той краткости цитирования, о которой мы уже говорили, процесс чтения, мягко говоря, затруднителен.

Конечно, документальный материал о болезни А.П. Чехова, о его борьбе с ней, не может не трогать читателя, но, если сравнивать письма и произведения писателя, то вряд ли письма раскрывают нам душу писателя больше, чем его произведения.

Time and Temporal Structure in Chekhov. By C. Turner. *Birmingham Slavonic Monographs*, no. 22. Birmingham: Department of Russian Language and Literature, University of Birmingham, 1994. 113 pp. [**Время и его структура в произведениях Чехова.** Автор К. Тэрнер. *Бирмингемские исследования по славистике*, № 22, Бирмингем: Факультет русского языка и литературы Бирмингемского Университета, 1994].

В краткой монографии К. Тэрнера рассматривается проблема использования грамматического времени в произведениях Чехова, как в прозе, так и в драме. Автор подчеркивает, что Чехов явно предпочитает пользоваться настоящим временем: или в виде *praesens historicum*, или в виде «реального», разворачивающегося в данный момент события.

Хотя настоящее время в более ранних работах Чехова диктуется непосредственным изображением той или иной *сценки*, Тэрнер справедливо отмечает, что выбор Чехова не является случайным в его произве-

дениях, и находит логически закономерное воплощение в его драмах, где ощущение времени приобретает сиюминутный характер. Даже когда повествование ведется в прошедшем времени, оно никогда не является для Чехова завершенным, полностью законченным. Прошлое и настоящее находятся в состоянии непрерывного взаимодействия, о чем свидетельствуют такие приемы, как воспоминания о прошлом в происходящем в данное время события или упоминания о каких-то событиях из прошлого, которые повлияли на настоящее.

По мнению Тэрнера, тот факт, что груз прошлого довлеет над настоящим, особенно проявляется в Чеховских драмах, где минимум игры на сцене в значительной степени обусловлен происшедшими ранее событиями. Однако Чехов никогда не опускается до упрощенного детерминизма, более того, в своих лучших произведениях он как раз стремится подчеркнуть те мгновения, когда персонаж осознает разрушительное действие прошлого, какое-либо свое или чужое действие (или же бездействие) и пытается исправить свое поведение или положение (как правило, без особой надежды на успех). Помимо пьес Тэрнер цитирует и такие рассказы, как “Поцелуй”, “Дуэль”, “Рассказ неизвестного человека” для подтверждения своих мыслей. Смерть, кстати, не дающая возможности что-либо исправить, для Чехова не является концом всего и вся, что подтверждается рассказами “Скушная история”, “Гусев” и “Архирей”.

Таким образом, Тэрнер приходит к выводу о вневременной философии Чехова, что все мы, хорошо ли это или плохо, живем настоящим моментом. Книга Тэрнера хороша уже хотя бы тем, что наводит нас на соответствующие философские размышления, заставляет думать.

Chekhov as Ethnographer: Epistemological Crisis on Sakhalin Island. By Cathy Popkin. *Slavic Review*. Stanford University Press. 1994. pp.37-51. [Чехов в роли этнографа: крах учености на острове Сахалин. Автор Кэтрин Попкин. *Slavic Review*. Изд. Стэнфордского Университета, 1994].

Автор начинает свое исследование следующими словами: “В 1890 году А. Чехов пересек всю Сибирь, потратив пять месяцев на дорогу и три месяца на различные остановки, прежде чем он достиг исправительной колонии на острове Сахалин. Это была весьма эксцентричная поездка – тяжелая и совершенно неподходящая для человека с таким здоровьем, как у Чехова, весьма рискованная для любого, кто привык к сидячему образу жизни. *Эксцентричность* поездки была тем более очевидной, что Чехов каждый раз выдвигал самые разные причины для ее осуществления: сначала он говорил, что хочет вычеркнуть из жизни

год или полтора, затем, напротив, прожить хотя бы полгода, о котором стоило бы помнить, потом – сменить привычный ритм жизни, затем – как вынужденную попытку убежать от любовных уз, только иногда выдвигалась на первый план научная цель поездки, а временами говорилось о непреодолимой “Сахалинской мании” (эмфаза наша — *В.М.Д., М.В.Д.*)⁶.

Хотя из сказанного прямо не следует, что у Чехова было что-то с головой не в порядке, но слово “эксцентричная” и логический акцент на слове “мания”, поскольку оно помещено в конец предложения, говорят сами за себя. С точки зрения автора, Чехов, повидимому, находился в стадии “маниакального возбуждения”. Это предположение тем более справедливо, что автор усиливает трагические ноты, приводя слова самого Чехова: “Чехов сам говорит, что он едет “на край земли”, “конец света”. Затем автор играет словами (считая, видимо, это хорошим стилистическим приемом), говоря, что общество изгоняло маргиналов на край земли: по-английски получается паронимическая аттракция “society’s marginal elements to its margins” (эмфаза наша — *В.М.Д., М.В.Д.*)

На самом деле Чехов весьма серьезно относился к своей поездке, что видно из многих писем. Прочитываем лишь одно: письмо к А.Н. Плещееву (22 февраля 1890), опуская различные юмористические замечания по поводу реакции на его решение ехать на Сахалин. Поехав в Москву для того, чтобы прочитать все, что уже было известно о Сахалине в «Морском сборнике», Чехов пишет: “Материал прекрасный и богатый, но чиновники-авторы не сумели воспользоваться им. Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Умопомешательство. Mania Sachalinosa.” Но ведь это юмор, неужели непонятно?

В результате поездки Чехова была опубликована книга “Остров Сахалин (из путевых записок)” в 1985. Надо отдать должное автору, что приводя далее снова многочисленные выдержки из путевых записок Чехова, она упоминает и тот факт, что Сахалин, хотя и в составе Российской империи, по сути дела тяготеет к Восточной культуре и совершенно неизвестен в России (вплоть до того, является ли Сахалин островом или полуостровом) и Чехов считает своим долгом познакомить россиян с территорией, которая, хотя и расположена очень далеко от центра, представляет собою часть Российского государства. Именно ради этого и появляется у Чехова всякого рода “эксцентричность”. По-

---

⁶ В немалой степени эту «эксцентричность» можно объяснить и желанием сбить с толку российских ищек, поскольку Чехов боялся, что ему просто не позволят поехать на Сахалин. Уже после поездки он также боялся, что не позволят опубликовать записки о Сахалине. Вот, что он пишет А.И. Суворину: «Итак, «Сахалин» мы выпускаем, не дожидаясь разрешения».

этому с научной точки зрения поездка вовсе не представляется ненужной.

Что касается нашего автора, то она считает, что “у Чехова закружилась голова от того, что он установил факт изоляции острова от континента”, (сомнения относительно реального географического расположения Сахалина возникали потому, что зимой до него можно было добраться на санях, поскольку пролив замерзал.), что он оказался совершенно в другом мире, мире другой культуры, “интеллигент среди дикой природы”, драматизирует наличие всяких препон, отсутствие необходимых поручительств.

С тем, что Кэтрин пишет далее, вполне можно согласиться. Чехов хотел бы, чтобы о Сахалине заговорили в России. Как подчеркивает Кэтрин, “просматривая юридические записи брата, Чехов отмечает, что публика проявляет живейший интерес к осужденным только во время суда, а после приговора на каторгу они уже для нее не существуют. ... Чехов же хочет показать и невидимую для публики часть судебной системы”. Она отдает должное огромной подготовительной работе Чехова над соответствующими материалами – уже известными сведениями о Сахалине.

Кроме того, как совершенно справедливо пишет В.Б. Катаев в своей книге “Сложность простоты” в главе “Сахалин и вся Россия”: “Не географическое открытие влекло Чехова. ... Там формировалась особая разновидность русского человека – каторжане, отбывшие каторгу поселенцы, вольные, – и она-то была первым и главным интересом Чехова” (с.87).

С этой стороны, несколько непонятно звучит укор Кэтрин Чехову, что он хотел просветить жителей России относительно Сахалина, а вместе с просвещением, как она считает, идет колонизация (можно подумать, американцы колонизацией не занимались или что Сахалин не был уже особого рода колонией России). Во всяком случае у автора соответствующий абзац подан в весьма “загадочной” манере, которую она постоянно приписывает Чехову.

Далее Кэтрин показывает, что вопросник, составленный Чеховым, оказался совершенно бесполезным: каторжане называют себя рабочими, а поселенцы свободными рабочими, имена многие сменили на другие, не помнят своего дня рождения или даже места, где они родились, сколько времени прожили на Сахалине помнят только приблизительно, на вопрос о грамотности не могут ответить, не понимая самого слова

---

⁷ «И мысль, что каторга уже близка, что через несколько дней я высажусь на сахалинскую почву, не имея с собой ни одного рекомендательного письма, что меня могут попросить уехать обратно, — эта мысль неприятно волнует меня». «Остров Сахалин», глава первая. И ведь могли «попросить».

“грамотность”, свой семейный статус определить тоже не могут, поскольку на Сахалине превалирует “свободное сожителство” и т.д. и т.п.

Кэтрин насмешливо резюмирует, что, хотя Чехов и собрал, по его словам, сведения, “достаточные для написания трех диссертаций” и “видел опрашиваемых персонально”, толку от этого практически никакого. Не находит он никакой помощи и в колониальных записях, поскольку они весьма “скудны”. Архивов вообще не существует. Тюремные записи обычно составляются неграмотными людьми. Что же касается отчетов “агрономов”, то они, как правило, фальсифицируются. Медицинские отчеты изобилуют грубейшими ошибками в диагностике. Свет знания, таким образом, на Сахалине отсутствует, и вообще на острове нет “авторитетов” в какой-либо области. Кэтрин посвящает целую страницу превосходству пенитантной системы в западных странах, утверждая, что именно в рамках такой системы учет максимально облегчен.

Затем Кэтрин с такой же легкостью показывает, сколь неграмотен Чехов в вопросах географии. Кратко обрисовав невозможность фиксировать какие-либо различия в населении, она вновь подчеркивает маниакальность, с которой Чехов пытается навести какой-либо порядок в своих подсчетах.” Как противно писать цифрами”, жалуется он своему издателю. Наконец, он сам теряет ощущение времени и не помнит, когда же точно был в том или другом месте. Это проявляется и в его письмах домой: сначала он пишет, что провел на острове три месяца и два дня а потом пишет, что он был там ровно три месяца и *три* дня (с нашей точки зрения, это не свидетельствует о полной потере памяти). Кризис его учености повергает его в депрессию⁸. Он вообще начинает сомневаться в том, что его книга о Сахалине будет когда-либо написана или же на нее уйдут годы времени.

На фоне сплошной критики поездки Чехова, одно из замечаний Кэтрин вызывает не только интерес, но и представляется вполне убедительным: В. М. Дорошевич в своих воспоминаниях пишет, Чехов придавал такое большое значение цифрам для вящей убедительности. “Если бы я написал “Сахалин” в литературной форме”, вспоминает В.М. Дорошевич, “без цифр, мне бы могли сказать, что я рассказываю им сказки. Но цифры, статистические данные всегда вызывают уважение. Любой дурак относится к цифрам с уважением.”

Но вернемся к тексту анализируемого автора. Кэтрин пишет, что Чехов не только не в состоянии справиться со своим материалом, но никак не может закончить его. Чехов приводит один лишь рассказ осу-

---

⁸ Отдадим должное и мы автору данного «новаторского» труда. На с.48 она перечисляет множество предшествующих работ по этому же вопросу и признает, что «никто из этих ученых не ставил под сомнение профессионализм Чехова и его компетентность».

жденного – Егора, сбивчивый и скушный, неинтересный, но Чехов вновь и вновь приводит его в книге, и Кэтрин высказывает предположение, что Чехов тем самым пытается реабилитировать себя, свою сбивчивость, неумение разобраться в той ситуации, в которую он попал (мы бы сказали, *слишком умное предположение*).

Кэтрин, правда, отдает должное Чехову, что тот сам признает большие сложности при описании фактических данных и поэтому, по выражению Кэтрин, “прибегает к уловке” – вместо *фактических* данных собирать свои *впечатления* о Сахалине. Но она не понимает, “как можно разобраться с *впечатлениями*, если они носят еще более путанный характер, нежели весьма ненадежные ‘факты’. Впечатления Чехова абсолютно алогичны.” С одной стороны, он жалеет осужденных, живущих в нищете, а с другой, восхищается их относительной свободой. С одной стороны, он с облегчением замечает, что тюремное здание не выглядит мрачным, а с другой, содрогается при мысли длительного пребывания в нем. С одной стороны, пребывание на острове угнетает его, и в то же время “с внезапным приливом оптимизма говорит о том золотом веке, который наступит когда будет закончена Транс-Сибирская магистраль”.

Кэтрин приходит к выводу, что вместо того, чтобы поднять Сахалин из темноты, он погружает его в неизмеримо большую темноту. Затем следует рассказ о том, как превосходно сумел передать свои впечатления Джорж Кэнан в книге “О системе высылки в Сибирь”.

“И в то же время рассказ Чехова о всей бессмыслице происходящего и всякого рода ужасах страшен тем, мы видим, что происходит с разумом самого Чехова и мы начинаем опасаться уже за собственный разум”.

Прочитав эту статью, действительно, нельзя не опасаться за разум автора. Почему вместо изображения Чехова, лишённого разума и своих литературных способностей, не почитать “специалистов”, естественно на русском языке.

Приведем некоторые выдержки из уже упоминавшейся книги В.Б. Катаева:

1. *“Сахалинские встречи и впечатления дали пищу на все последующее творчество. ...По словам самого писателя, после 1890 года в его творчестве “все просахалинено” (с. 90);*
2. *“Ясно и недвусмысленно высказался Чехов о “высочайшей мере беспорядка, какой когда-либо создавали невежество, равнодушие и жестокость” (с. 91) ;*
3. *“Порочность Сахалина не какая-то особая, а все та же российская, только невероятно углубленная удаленностью от столиц и несвободой большинства населения” (с. 91);*

4. **“Он захотел доступным ему оружием разбить всеобщее равнодушие к Сахалину. В ответ на утвердившееся фальшивое представление о положении дел на на далекой окраине России он спокойно и твердо заявил своей книгой: “Это неправда””(с. 91).**

Подводя итог нашего краткого обзора английской и частично американской литературной критики начала перестройки, посвященной А.П. Чехову, нельзя не заметить общего снижения уровня анализа, а иногда и прямо агрессивного отношения к великому писателю по сравнению с высокими оценками, которые давались ему его современниками.